

Политика России по Сирии на этапе военного вмешательства

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 421
Февраль 2016

Екатерина Степанова¹
Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Москва

Осенью 2015 г. Россия решительно подняла ставки в Сирии, начав по [просьбе](#) Дамаска операцию военно-космических сил (ВКС) в этой стране. Эта операция отчасти была продиктована соображениями и интересами России, напрямую связанными с Ближним Востоком, включая ее обеспокоенность угрозой дальнейшей дестабилизации этого соседнего с Евразией региона, а также связями между радикальными вооруженными группировками в Сирии с террористическими угрозами для самой России.² Однако операция российских ВКС также стала средством достижения ряда важных «инструментальных» целей, не связанных непосредственно с Сирией и выходящих за рамки ближневосточного региона. Прежде всего, военное вмешательство в Сирии позволило Москве вернуться на авансцену мировой политики. В условиях глубокого кризиса во взаимоотношениях России и Запада необходимость противодействия «Даиш» (или так называемому Исламскому государству в Ираке и Леванте) и в целом вооруженному джихадизму в этом регионе стала тем редким вызовом, который вызывал общую обеспокоенность Москвы и западных стран и по которому их интересы были совместимы. Еще одной целью России было отодвинуть на второй план в мировой повестке дня кризис в российско-украинских отношениях, вытеснив его более амбициозными задачами по решению более важной проблемы международной безопасности.

В начале 2016 г. можно констатировать, что Москва в основном выполнила эту программу-минимум, решив свои первоначальные «инструментальные» задачи. Качественно усилив свою роль в Сирии, Россия в целом добилась того, что хотела. Она заставила Соединенные Штаты говорить с ней более или менее «на равных». Относительно удалось и задвинуть на задний план проблему Украины и Крыма. Более того, теперь уже мало у кого остались сомнения относительно возвращения России на Ближний Восток. Возобновление и

¹ [Екатерина Степанова](#) – ведущий научный сотрудник, руководитель группы по исследованию проблем мира и конфликтов Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН), профессор РАН.

² См. Степанова Е. ["Исламское государство" как проблема безопасности России: характер и масштаб угрозы](#) / Аналитическая записка ПОНАРС Евразия, № 393, декабрь 2015 г. См. также [на англ. яз.](#)

активизация дипломатического взаимодействия России и США по Сирии уже привели к [объявлению](#), при их ключевой посреднической роли, частичного перемирия с 27 февраля 2016 г. (под которое не подпадают военные действия против Даиш и аффилированной с аль-Каидой группировкой «Джабхат ан-Нусра»).

В то же время, если российская военная операция в Сирии и преследовала какие-либо более амбициозные политические задачи, то серьезного прогресса в их достижении добиться не удалось. Такая программа-максимум могла включать задачи смягчения или снятия западных санкций и полной нормализации отношений с Западом и/или, например, более радикальный «размен Донбасса на Сирию» (т. е. неформальное согласие США и их союзников не поощрять попытки Киева решить проблему военным путем и не препятствовать российскому влиянию на Донбассе в обмен на содействие Москвы более выгодному для Запада варианту решения сирийской проблемы). Несмотря на ограниченные военные контакты по Сирии между Россией и коалицией во главе с США, российский план «большой» совместной антитеррористической коалиции также не был реализован. Возобновление «функционального» взаимодействия России с США и рядом европейских государств по сирийской проблеме также не следует принимать за признак или предвестник полной нормализации отношений, которые на годы вперед останутся на более низком уровне, чем в предыдущее десятилетие.

Примерно такое же соотношение в реализации программы-минимум и программы-максимум демонстрируют результаты операции российских ВКС в самой Сирии. С одной стороны, Россия решила минимальный набор военных задач. Российская военная операция скорректировала баланс сил и помогла режиму Башара аль-Асада не только выжить, но и расширить территорию, контролируруемую правительственными силами. В этом смысле российское вмешательство предотвратило полную «сомализацию» ситуации в Сирии и ее переход под контроль джихадистских сил. С другой стороны, в сложном контексте крайне сегментированной, ожесточенной и сильно транснационализированной гражданской войны операция российских ВКС в принципе могла иметь лишь ограниченный эффект. К тому же в начале 2016 г. в Сирии уже оставалось не так много идентифицируемых наземных военных целей. Одних авиа- и ракетных ударов, даже в координации в действиями сирийской армии, в принципе недостаточно для обеспечения решительного, радикального сдвига в военной ситуации на основных фронтах. Все это лишний раз подчеркивало центральное значение политического урегулирования.

В следующих разделах рассматриваются эволюция военной кампании России в Сирии вплоть до начала действия режима перемирия 27 февраля 2016 г., подходы Москвы к содержательной части политического урегулирования, а также взаимовлияние российского военного вмешательства и динамично развивающихся контекстных условий на региональном уровне и по линии отношений Россия–Запад.

Эволюция российской военной операции в Сирии

В конце 2015 г. – начале 2016 г. российская военная кампания в Сирии включала два основных компонента, по типу задач и мишеней. Первая составляющая – это ракетно-бомбовые удары по военным целям, прежде всего, по джихадистским группировкам, включая не только Даиш, но и другие организации этого типа (Ахрар аш-Шам, Джабхат ан-Нусра и Джейш уль-Ислам), основной целью которых является установления исламистского режима в Сирии вооруженным путем. С октября 2015 г. к ней добавилась

вторая составляющая – дозированные, но достаточно масштабные авиаудары по инфраструктуре контрабандной торговли нефтью, которая стала крупным источником финансирования радикальных вооруженных группировок.

По мере того, как разворачивалась российская военная кампания, в связи с ней в региональной и западной прессе и в официальных кругах государств, которых не устраивало усиление роли России в Сирии, стали особо активно муссироваться два остро дискуссионных вопроса. Один из них состоял в том, направлена ли российская операция, действительно, против Даиш или в целом против вооруженной оппозиции режиму Асад, в том числе против группировок не радикально-исламистского (не джихадистского) типа. Однако в конце 2015 – начале 2016 г. ситуация была такова, что практически вся мало-мальски значительная антиправительственная вооруженная активность в Сирии уже приходилась именно на джихадистские группировки. Все, что на этом этапе осталось от так называемой Свободной сирийской армии (относительно светской, не исламистской части вооруженной оппозиции) – это в основном разрозненные отряды местного ополчения, защищающие свои города, районы и деревни. Проблема усугубляется тем, что джихадисты и более мелкие вооруженные группировки других типов зачастую расположены чресполосно, в непосредственной близости друг от друга, что делает задачу разграничения между ними на местности крайней сложной (особенно с воздуха). Эта проблема остается существенным осложняющим фактором и для объявленного в феврале 2016 г. перемирия.

Второй дискуссионный вопрос связан с жертвами среди гражданского населения. Хотя российские ракетно-бомбовые удары в целом носили прицельный и избирательный характер (что подтверждается регулярными [данными](#) министерства обороны РФ, которые вполне поддаются верификации с использованием новейших технических средств), в контексте ожесточенной информационной войны России следовало ожидать и быть готовой к тому, что ее оппоненты раздуют тему гражданских жертв и будут манипулировать ею вне всякой меры. Такая практика особенно характерна для международных информационных агентств, базирующихся в странах Персидского залива, и многочисленных мелких эмигрантских НПО, например, базирующейся в Лондоне Сирийской обсерватории прав человека. Тем не менее, никакая современная война, даже ведущаяся с использованием самых точных и новейших вооружений, в принципе не позволяет полностью избежать того, что в военном лексиконе именуется «побочными ущербом» среди гражданского населения, и вопрос о гражданских потерях может более остро встать перед российскими ВКС в Сирии по мере того, как истощается запас идентифицируемых военных целей.

В начале 2016 г., с учетом этих двух факторов, а также того, что путем авиаударов в конфликте типа сирийского в принципе можно достичь лишь ограниченных результатов, и того, что основные оперативные цели России в ходе ее военной операции в Сирии были в целом решены, российская военная кампания приобрела два новых аспекта. Во-первых, было заявлено о налаживании контактов и готовности к взаимодействию и координации с «патриотическими» элементами вооруженной сирийской оппозиции, прежде всего, в борьбе против джихадистов. Во-вторых, началось развертывание масштабной российской гуманитарной операции.

Хотя уже в январе 2016 г. Россия заявила о координации действий с 11 повстанческими группировками (насчитывавшими до 7000 бойцов), на практике их круг ограничивался курдскими формированиями, рядом связанных с ними групп, отрядами самообороны из числа местных христиан (несторианцев), и отдельных арабо-суннитских милиций (например, «Джейш ас-Суввар»). Это не удивительно, с учетом общей слабости и крайней разрозненности нефундаменталистской части сирийской вооруженной оппозиции.

Что касается начала российской гуманитарной операции и усиления давления со стороны Москвы на правительство Асада с тем, чтобы оно разрешило и обеспечило доступ ООН и гуманитарных агентств в осажденные города, то это действительно важные и давно назревшие шаги (несмотря на то, что гуманитарная роль России в Сирии все еще непропорционально мала, по сравнению с уровнем ее военного вмешательства и политической ролью). Тем не менее, гуманитарные усилия России уже способствовали привлечению международного внимания (до того в основном сосредоточенного на гуманитарных проблемах в подконтрольных повстанцам районах, особенно в осажденных правительственными силами городах) и к страданиям гражданского населения в таких местах, как Кефрайя и аль-Фуа (шиитские анклавы в провинции Идлиб) или район Дейр аз-Зор со смешанным, но лояльным правительству населением, которые также подверглись блокаде и стали зонами острого гуманитарного кризиса.

Однако важнее то, что оба новых «измерения» российской военной кампании отчетливо свидетельствовали о том, что военная операция не является самоцелью, а служит приоритетной задаче создания условий и поддержки усилий по политическому урегулированию сирийского конфликта.

Россия и политическое урегулирование в Сирии

На протяжении всего сирийского конфликта руководство США и других западных стран питало надежду на то, что Сирию можно сохранить как единое и одновременно демократическое и светское государство. Эта идеологизированная концепция демократии западного образца в единой светской Сирии разбивается в прах о ближневосточные реалии. Она упускает базовую специфику социально-политического уклада как Сирии, так и многих других ближневосточных стран. Социально-политическая система этих стран носит двухуровневый, или двухслойный, характер. Один уровень, или слой, представлен интернационализированными элитами и местным аналогом среднего класса (часть которого, действительно, привлекает демократическая модель западного образца). Однако этот общественный слой крайне тонок и «страшно далек» от основной массы населения, представленной в разной степени обездоленными низами, которые в основном ведут традиционный, или ретрадиционализированный, образ жизни. В случае, если такие «низы» получают право голоса в рамках демократической системы, они голосуют за исламистов. Эти два слоя, или уровня, существуют как бы параллельно друг другу, социально-политический и культурный разрыв между ними огромен, и лишь отдельные общественные институты (например, вооруженные силы в Египте) служат определенным связующим звеном между ними. В результате, любая «демократическая» революция в регионе сегодня обречена вылиться в исламистскую революцию, а «демократическая» Сирия может быть только «исламистской» Сирией – так же, как «демократический» Египет неизбежно скатился к правлению «Братьев-мусульман», спровоцировавшему в 2013 г. вмешательство вооруженных сил во внутривосточный кризис.

С точки зрения процесса политического урегулирования. Россия полностью поддерживает схему переходного периода, очерченную [Резолюцией 2254](#) Совета Безопасности ООН. Однако, в том, что касается содержательной, сущностной части урегулирования, Москва, по крайней мере, до недавнего времени, предпочитала прикрываться своей традиционной мантрой о том, что политическое будущее Сирии является исключительно делом «выбора самих сирийцев». Это дипломатическое клише, впрочем, отнюдь не означает, что у России отсутствуют идеи по поводу будущего политического устройства послевоенной Сирии. Важно подчеркнуть, что эти идеи не являются неким «готовым решением», основанным на той или иной идеологической модели, а исходят, прежде всего, из того, что применимо и может сработать в конкретных сирийских условиях. Хотя вплоть до начала действия режима перемирия конкретные идеи России по поводу будущего политического устройства Сирии было не так просто отследить и они редко транслировались публично, на основе ряда официальных и экспертных комментариев можно создать впечатление об общем ходе и направлении российской мысли на этот счет, которое можно суммировать в 4 пунктах.

(1) Россия согласна с необходимостью установления в Сирии более плюралистической государственно-политической системы, в том числе потому, что это является базовым условием сохранения единства страны. Единая Сирия – эта общая цель для Москвы, ООН и Вашингтона, несмотря на то, что Россия никогда не разделяла иллюзий Запада по поводу возможности перехода Сирии к либеральной демократии западного образца. Москва также с подозрением относится к призывам к построению «сирийской демократии» со стороны глубоко недемократичных режимов Персидского залива, которые заявляют о поддержке демократии в Сирии, но на самом деле надеются использовать «демократизацию» как фиговый листок для установления исламистского правления в этой стране. С точки зрения России, более реалистичный способ интегрировать элементы плюрализма и демократии в Сирии – это обеспечить более широкое представительство различных регионов и общин страны в ее государственно-политической системе путем ее децентрализации. При этом оптимальной формой и уровнем такой децентрализации было бы нечто среднее между двумя крайностями: унитарным государством асадовско-баасистского типа (модели, которая больше не работает) – и почти полной сегментацией типа системы квот в Ливане.

(2) Москва рассматривает вооруженные силы Сирии как самый (если не единственный) относительно функциональный и организованный из всех национальных институтов. Россия может поддержать дальнейший рост роли вооруженных сил на переходном/послевоенном этапе. Это особенно вероятно в случае провала или бесконечной пробуксовки мирного процесса, будь то вследствие упрямства Асада и его ближнего круга и/или из-за неспособности умеренной оппозиции договориться между собой и с остальной страной (не говоря уже о целенаправленных усилиях по подрыву мирного процесса со стороны джихадистских сил). В таких условиях светское межконфессиональное правительство во главе с (бывшими) военными может стать предпочтительной альтернативой бесконечной войне, политическому тупику и дальнейшей дезинтеграции и деградации государства. Такой сценарий допускает возможность интеграции в состав национальных вооруженных сил ряда не джихадистских повстанческих формирований, особенно на юге страны (например, ряда группировок, поддерживаемых Иорданией).

Такая система не обязательно должна копировать египетскую модель (правление генерала Абдель Фаттаха ас-Сисси), которая исключает из политической жизни даже умеренную часть движения «Братьев-мусульман». В Сирии умеренные исламисты из «Братьев-мусульман» могут и должны быть частью политической системы страны – конечно, при условии признания ими светского характера государства. Тем не менее, светский режим в Сирии во главе с экс-военными был бы с большой вероятностью поддержан Египтом, что (наряду с добрыми отношениями Москвы с Каиром) принесет России дополнительные политические дивиденды, подчеркнув, что ее политика в регионе носит надконфессиональный характер и стоит «выше» любых суннитско-шиитских противоречий. Следующая администрация США также могла бы использовать терпимое отношение к такой модели – или даже ее негласную поддержку – для улучшения отношений США с Египтом.

(3) Вопрос об уходе Асада более не является ни ключевым, ни существенным, вопреки тому, как он продолжает восприниматься вооруженной и эмигрантской оппозицией и ее главными спонсорами – Саудовской Аравией, Катаром и Турцией. Он все больше становится «делом техники», особенно в российско-американском контексте. «Организованная утечка» информации из администрации США в январе 2016 г. о том, что при наилучшем сценарии уход Асада и его «узкого круга» был бы оптимален через год или полтора, но до президентских выборов в Сирии, намекает на возможный компромисс по этой проблеме. В случае если Асад продолжит упорствовать, вопреки логике и динамике процесса мирного урегулирования, см. предыдущий пункт (т. е. сохранится и возрастет вероятность прихода к власти правительства во главе с военными на переходный период).

(4) Россия стремится сохранить и сохранит военно-морскую и военно-воздушную базы в Сирии (возможно, на несколько модифицированных условиях, в зависимости от будущей политической конфигурации). В той мере, в которой такое военное присутствие может послужить дополнительной гарантией безопасности для сирийских меньшинств (христиан, алавитов и др.), оно даже может стать формальной или неформальной частью итогового соглашения, предпочтительней в составе или во взаимодействии с более широкими международными силами по поддержанию мира.

Международный и региональный контекст

В международной и региональной обстановке, динамично развивавшейся в период с начала российской военной операции в Сирии, наблюдался определенный баланс позитивных и негативных тенденций, как в плане сирийского урегулирования, так и с точки зрения российских интересов и озабоченностей. Позитивные тенденции в основном прослеживались в более широком международном контексте, особенно по линии отношений России и США и на уровне ООН, тогда как на региональном уровне преобладали негативные тенденции.

Российско-американский диалог по Сирии

За несколько месяцев, прошедших с начала российской операции в Сирии, отношения России с США и Западом в целом постепенно смягчались, что стало прямым следствием, прежде всего, резко усилившихся роли и влияния России по сирийской проблеме и обострившейся с обеих сторон необходимости в дипломатическом взаимодействии. Более того, российское военное вмешательство в Сирии стало своего рода катализатором,

«пробудившим» Вашингтон от спячки, инерционных подходов и бесконечного затягивания решения сирийской и иракской проблем. Оно не только вынудило США активизировать борьбу с Даиш, но и стимулировало рост американской дипломатической активности по поиску политического решения в Сирии. Диалог России и США сыграл ключевую роль в разработке и принятии Резолюции № 2254 Совета Безопасности ООН, призвавшей к перемирию и политическому урегулированию в Сирии, и проведении первого раунда новых женеvских переговоров. Именно российско-американский диалог, в том числе на высшем, президентском уровне, привел к первому международному соглашению о частичном перемирии в Сирии с конца февраля 2016 г.

Трения между Саудовской Аравией и Ираном

Развитие событий на региональном уровне, напротив, бросало один вызов за другим. Одним таким вызовом стало очередное резкое обострение в начале 2016 г. отношений между двумя ключевыми региональными игроками в Сирии – Саудовской Аравией и Ираном. Оно захлопнуло «окно возможностей», открывшееся в 2015 г. в результате заключения иранской ядерной сделки и определенной легитимизации региональной роли Ирана (особенно в Ираке), с одной стороны, и смены поколений в руководстве Саудовской Аравии, с другой. Новое саудовско-иранское обострение усилило суннитско-шиитские противоречия в регионе, которые в целом представляют более серьезную проблему с точки зрения переговоров и поиска политического решения в Сирии, чем трения между Россией и Западом или даже кризис в российско-турецких отношениях. Тем не менее, для России новый саудовско-иранский кризис сохранил и открыл определенные дипломатические возможности, так как и саудитам, и катарцам все равно проще обсуждать сирийскую проблему с Россией, чем с Ираном.

Фактор российско-турецкого обострения

В конце 2015 г. разразился масштабный российско-турецкий кризис. Прямое вмешательство Москвы в Сирии, безусловно, испортило президенту Турции Реджепу Тайипу Эрдогану его «сирийскую игру». Она была продиктована как интересами исламистской солидарности и региональными амбициями Анкары, так и использованием президентом и правящей в Турции исламистской Партией справедливости и развития сирийской карты в интересах внутривнутриполитической борьбы за власть. Россия испортила Турции ее игру тем, что помогла сирийскому режиму не только выжить, но и расширить зону своего контроля, и, действуя параллельно с операциями сирийских курдов (пользующихся также поддержкой США), выбить из северных районов Сирии многих финансируемых Турцией джихадистов и других боевиков. Операция ВКС РФ также позволила пресечь часть путей контрабанды нефти на турецкую территорию, а после того, как турецкие ВВС сбили российский бомбардировщик «Су-24», фактически установить для Турции бесполетную зону над Сирией. Будущее политическое устройство Сирии, каким бы оно ни было, также вряд ли устроит Анкару. Тем не менее Эрдоган, в свою очередь, достаточно эффективно использовал российскую интервенцию в Сирии во внутритурецкой борьбе за власть для мобилизации волны национализма и усиления крепнущей связи между исламистами и радикальными националистами.

Важнейшим предметом разногласий между Турцией и Россией является вопрос о роли сирийских курдов. Турция считает их организации террористическими, настаивает на их исключении из мирного процесса и даже начала прямые бомбардировки курдских позиций

на севере Сирии. Россия же, как и США, поддерживает сирийских курдов в их вооруженной борьбе против Даиш, а также их полноправное участие в процессе политического урегулирования. Впрочем, прямая поддержка сирийских курдов со стороны России ограничена и пока в основном свелась к разрешению сирийским курдам открыть в Москве свое представительство в форме НПО (первое за пределами региона) и поставкам им некоторого объема легкого и стрелкового оружия.

В каком-то смысле российско-турецкое обострение и все более импульсивные и сумасбродные действия Анкары по сирийской проблеме парадоксальным образом могли даже способствовать активизации переговоров, особенно между Россией и США. Острота кризиса на сирийско-турецкой границе грозила полной дестабилизацией, выходом ситуации из-под контроля и прямой военной интервенцией Турции. Это помогло подтолкнуть США к мобилизации всего потенциала своей дипломатии и влияния для того, чтобы (а) не ставить НАТО на грань прямой конфронтации с Россией по Сирии, (б) найти способ обойти проблему турецких курдов, которых Вашингтон продолжает поддерживать, несмотря на возражения Анкары, и (в) предотвратить дальнейшее продвижение сирийских правительственных сил, особенно в районе г.Алеппо и окрестностей. Если США и НАТО были готовы сдерживать турецкий авантюризм в Сирии в определенных рамках, то Россия оказала максимальное давление на Дамаск, заставив его согласиться на перемирие (на стадии, когда правительственные силы продвигались вперед), и проявила большую гибкость в квалификации тех или иных группировок как джихадистских. Это сочетание, по всей вероятности, и сыграло ключевую роль в достижении США и Россией соглашения о перемирии, одобренного Международной группой поддержки Сирии и подтвержденного [резолуцией № 2268 СБ ООН](#).

Заключение

Перемирие, объявленное Россией и Соединенными Штатами в феврале 2016 г., еще не означает прекращения военных действий Россией или коалицией во главе с США. По крайней мере, Россия и США договорились о том, что удары по позициям Даиш и «Джабхат ар-Нусры» продолжатся и после заключения перемирия. При этом вопрос о вооруженных исламистских группировках «Ахрар аш-Шам» на севере (поддерживается Турцией) и действующей в основном на юге страны «Джейш аль-Ислам» (поддерживается Саудовской Аравией) оставлен как бы в стороне, что может рассматриваться как определенная уступка со стороны России. Важнее, однако, то, что близость позиций Даиш и «Джабхат ан-Нусры» к расположению отрядов «Ахрар аш-Шам» и «Джейш ул-Ислам», а также ряда мелких неджихадистских группировок объективно ограничивает эффективность режима перемирия. В таких условиях удары, направленные против Даиш и «Джабхат ан-Нусры» неизбежно приведут к потерям и со стороны расположенных в непосредственной близости или чресполосно других группировок, что, в свою очередь, будет периодически вызывать ответный огонь. Также невысока вероятность того, что исламистские группировки, в основном финансируемые извне (такие, как «Ахрар аш-Шам» и «Джейш уль-Ислам») или, по крайней мере, их наиболее радикальные элементы, будут в принципе соблюдать перемирие.

Хотя завышенные ожидания по поводу текущего перемирия вряд ли оправданы и надо быть готовыми к тому, что оно не последнее, не стоит недооценивать и его позитивный потенциал. Он заключается в (а) укреплении, умножении и развитии так называемых

локальных перемирий в разных районах страны; (б) облегчении доступа гуманитарной помощи и организаций во многие районы; (в) прекращении бомбардировок многих жилых городских и пригородных районов со стороны правительственных сил одновременно с закреплением результатов продвижения сирийской армии в последние месяцы, и (г) сохраняющемся международном военном давлении на джихадистские силы. Все это должно создать более благоприятные условия для продолжения мирных переговоров по Сирии.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org